

СИДНИ
ШЕЛДОН

СИДНИ ШЕЛДОН

ПЕСКИ
ВРЕМЕНИ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84 (7Coe)-44
Ш42

Sidney Sheldon
THE SANDS OF TIME

Перевод с английского М.В. Жученкова

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family
Limited Partnership и литературных агентств
Morton L. Janklow Associates и Prava I Prevodi
International Literary Agency.

Шелдон, Сидни

Ш42 Пески времени : [роман] / Сидни Шелдон;
пер. с англ. М.В. Жученкова. — Москва: АСТ,
2014. — 414, [2] с.

ISBN 978-5-17-081497-8 (С.: с/с Шелдон(нов.)м)
Оформление дизайн-студии «Три кота»

ISBN 978-5-17-028591-4 (С.: с/с Шелд(м)-2)
Оформление А.А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Дочь итальянского мафиозо, скрывающаяся от врагов
убитого отца...

Красавица с загадочным прошлым...

Озорная девчонка с повадками сорванца...

Нервная женщина, балансирующая на грани безумия...

Они оказались не в том месте и не в то время. Теперь
им угрожает гибель.

Они бегут — бегут, спасая свои жизни...

Но их путь к свободе так тернист!

УДК 821.111(73)-312.4
ББК 84 (7Coe)-44

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1988
© Перевод. М.В. Жученков, 1992
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Памплона, Испания, 1976

«Если план сорвется, мы все погибнем». В последний раз он снова мысленно прокрутил его в голове, анализируя и проверяя, стараясь обнаружить слабые места. Но не смог найти ни одного. План был дерзким и требовал скрупулезного расчета времени с точностью до долей секунды.

Если он сработает, это будет блестящая победа, достойная великого Эль-Сиды. А если провалится...

Поздно терзаться сомнениями, философски рассудил Хайме Миро. Пора действовать.

Хайме Миро слыл легендой, героем среди басков и анафемой для испанского правительства. Он был высокого роста, с волевым умным лицом, мускулистым телом и задумчивыми темными глазами. Видевшие его были склонны преувеличивать его рост, смуглость кожи и жестокость. Он был сложной личностью: реалистом, ясно понимавшим большой перевес противника, и одновременно романтиком, готовым умереть за то, во что верил.

В Памплоне царило безумное оживление, город словно сошел с ума. Было утро праздника — фиесты

Святого Фермина, — ежегодно проводившегося с 7 по 14 июля. Со всего света в город съезжались тридцать тысяч гостей. Некоторые приехали просто посмотреть на захватывающее дух зрелище бегущих по улице быков, другим хотелось принять в нем участие и, демонстрируя свою храбрость, пробежать перед несущимися животными. Все номера гостиниц были уже давно забронированы, и студенты Наваррского университета располагались на ночлег в подъездах, вестибюлях учреждений, машинах, на городских площадях и даже на улицах и тротуарах города.

Все кафе и гостиницы были заполнены туристами, наблюдавшими за красочными шумными шествиями великанов из папье-маше и слушавшими музыку уличных оркестров. Участники процессии были одеты в лиловые накидки с зелеными, гранатовыми и золотистыми капюшонами. Шествие растекалось по улицам радужными реками. Общий шум и гам дополнялся взрывами скользивших по проводам вдоль трамвайных путей хлопушек.

Толпы людей собрались посмотреть вечерний бой быков, но самым зрелищным событием был прогон ранним утром по улице быков, которые вечером того же дня будут участвовать в боях.

Накануне за десять минут до полуночи быков вывели из загонov — *corrales de gas* — на темные улицы нижней части города и погнали по мосту через реку к загонам в конце улицы Санто-Доминго, где оставили на ночь. Утром их выпустят на узкую Санто-Доминго, огражденную на каждом углу деревянными преградами. Добежав до конца улицы, быки попадут в загонь на площади Хемингуэя, где их продержат до начала боев.

Съехавшиеся на праздник были слишком возбуждены, чтобы спать. С полуночи до шести часов утра они

пили вино, пели и занимались любовью. На шее тех, кто собирался пробежаться с быками, были повязаны красные шарфы Святого Фермина.

Утром без четверти шесть по улицам началось шествие оркестров, игравших зажигательную музыку Наварры. Ровно в семь в воздух взвилась ракета, возвестившая о том, что ворота загона открылись. Людей охватило лихорадочное возбуждение. Через несколько секунд в воздух взлетела вторая ракета, предупреждавшая город о том, что быки побежали.

За этим последовало незабываемое зрелище. Сначала донесся звук слабый, едва различимый, похожий на отдаленный шум ветра, который все усиливался, пока не перешел в грохот копыт внезапно появившихся шести волов и шести огромных быков, каждый весом в тысяча пятьсот фунтов. Они неслись по улице Санто-Доминго со страшной скоростью, словно разогнавшийся поезд. За деревянными баррикадами, сооруженными на каждом перекрестке, толпились сотни возбужденных молодых людей, готовившихся продемонстрировать свою отвагу, выскочив к разъяренным животным.

Быки неслись с дальнего конца Санто-Доминго мимо улиц Лаэстрафета и де Хавьер, мимо аптек, магазинов и овощных базаров к площади Хемингуэя. «*Ole!*» — кричала ошалевшая толпа. Когда быки приближались, люди отчаянно пытались увернуться от их острых рогов и смертоносных копыт. Внезапное осознание приближавшейся смерти заставляло некоторых участников искать спасение в подъездах домов и на пожарных лестницах. «*Cobardon! Трус!*» — неслоь им вслед из толпы. Тех, кто, споткнувшись, падал на пути быков, быстро оттаскивали в безопасное место.

За баррикадами, в нескольких футах от разворачивавшегося зрелища, затаив от волнения дыхание, стояли мальчик с дедушкой.

— Ты только посмотри! — восклицал старик. — *Magnifico!* Великолепно!

Мальчик вздрагивал:

— *Tengo miedo, abuelo.* Мне страшно.

Старик обнял мальчика:

— *Si*, Мануэло. Страшно. Но и чудесно. Я однажды тоже бежал с быками. Это ни с чем не сравнимое ощущение. Ты играешь со смертью и чувствуешь себя настоящим мужчиной.

Обычно быки, промчавшись по Санто-Доминго длиной в девятьсот ярдов, через две минуты уже оказывались на площади, и, как только их запирали в загоне, в воздух посылалась третья ракета. В этот день третьей ракеты не было из-за происшествия, не случавшегося в Памплоне за всю четырехсотлетнюю историю проведения праздника.

Когда животные неслись по узкой улице, полдюжины человек, одетых в яркие праздничные костюмы, сдвинули баррикады, и быки, свернув с огражденной улицы и вырвавшись на свободу, ринулись к центру города. В одно мгновение веселое празднество превратилось в кошмар. Разъяренные животные врезались в толпу остолбеневших зрителей.

Сметенные и растоптанные быками, мальчик с дедушкой погибли одними из первых. Рога безжалостно вонзились в детскую коляску, убив ребенка и сбив с ног его мать, тут же раздавленную насмерть. В воздухе повсюду витала смерть. Животные бросились на беспомощных зрителей, повергая на землю женщин и детей, пронзая своими длинными страшными рогами прохожих, валя торговые палатки, разбивая статуи, сметая

все, что на беду оказалось на их пути. Кричавшие от ужаса люди отчаянно пытались укрыться от несших смерть чудовищ.

Неожиданно на пути быков появился ярко-красный грузовик. Повернув, они бросились к нему по улице де Эстрелья, той, что вела к *carcel* — Памплонской тюрьме.

Тюрьма представляла собой мрачное двухэтажное каменное здание с толстыми решетками на окнах. На каждом из его четырех углов возвышалось по башне, над входом развевался красно-желтый испанский флаг. Каменные ворота вели в маленький дворик. На втором этаже располагались камеры для приговоренных к смертной казни.

Здоровенный охранник с автоматом в форме военной полиции вел по коридору второго этажа тюрьмы священника, облаченного в черную сутану.

Заметив промелькнувшее в глазах священника недоумение при виде оружия, охранник сказал:

— Лишняя предосторожность никогда не помешает, падре. В этих камерах — самые отъявленные подонки.

Охранник подвел священника к металлоискателю, очень похожему на те, что установлены в аэропортах.

— Простите, падре, но таков порядок.

— Конечно, сын мой.

Когда священник стал проходить через кабинку, в коридоре раздался пронзительный визг сирены. Охранник инстинктивно сжал автомат.

Повернувшись, священник улыбнулся.

— Это моя оплошность, — сказал он, снимая тяжелый металлический крест, висевший у него на шее на серебряной цепочке, и протягивая его охраннику.

На этот раз, когда он проходил через кабинку, металлискатель молчал. Охранник вернул священнику крест, и они вдвоем продолжили свой путь в глубь тюрьмы.

В коридоре стояла невыносимая вонь, исходящая из камер.

Охранника тянуло пофилософствовать:

— Знаете, падре, вы зря теряете здесь время. У этих зверей нет души, которую вы собираетесь спасти.

— И все-таки мы не должны терять надежды, сын мой.

Охранник покачал головой.

— Говорю вам, ворота ада уже распахнуты в ожидании их обоих.

Священник с удивлением взглянул на охранника:

— Обоих? Мне сказали, что исповедаться хотят трое.

Охранник пожал плечами.

— Мы немного сэкономили ваше время. Самора скончался сегодня утром в лазарете. Сердечный приступ.

Они дошли до двух последних камер.

— Пришли, падре.

Охранник отпер одну из дверей и осторожно отошел, пропуская вперед священника. Затем он запер дверь и встал в коридоре, готовый отреагировать на малейший сигнал тревоги.

Священник подошел к человеку, лежавшему на правой койке.

— Как твое имя, сын мой?

— Рикардо Мельядо.

Священник внимательно смотрел на него. Трудно было понять, как выглядел раньше этот человек. Его

избитое в кровь лицо было таким опухшим, что глаз почти не было видно.

— Рад, что вы пришли, падре, — произнес заключенный, едва шевеля распухшими губами.

— Долг церкви спасти тебя, сын мой, — ответил священник.

— Сегодня утром меня повесят?

Священник слегка похлопал его по плечу:

— Тебя приговорили к смертной казни гарротой.

Рикардо Мельядо уставился на него.

— Нет!

— Мне очень жаль. Приказ отдан самим премьер-министром. — Затем священник положил руку на голову заключенного и монотонно начал: — *Dime tus pecados...*

— Я много грешил в помыслах, деяниях, и я всем сердцем раскаиваюсь в своих грехах, — сказал Рикардо Мельядо.

— *Ruego a nuestro Padre celestial para la salvacion de tu alma. En el nombre del Padre, del Hijo y del Espiritu Santo...*

Стоя возле камеры, охранник слушал и про себя думал: «Что за пустая трата времени. Господь просто плюнет ему в глаза».

Священник закончил:

— *Adios*, сын мой. Да примет Господь твою душу с миром.

Священник подошел к двери камеры, и охранник, отперев ее, отступил, наведя автомат на заключенного. Затем, заперев дверь, охранник подошел к соседней камере и открыл ее.

— Он ваш, падре.

Священник вошел во вторую камеру. На лице находившегося там человека тоже были следы жесто-

ких побоев. Священник окинул его внимательным взглядом.

— Как твое имя, сын мой?

— Феликс Карпио.

Это был крепкий бородатый мужчина со свежим синеватым шрамом, видневшимся на щеке сквозь бороду.

— Я не боюсь смерти, падре.

— Это хорошо, сын мой. Никому из нас ее не миновать.

Пока священник выслушивал исповедь Карпио, до здания докатился отдаленный звук, сначала приглушенный, он становился все громче и громче. Это был грохочущий стук копыт, смешавшийся с криками разбегавшейся толпы. Охранник встревоженно прислушивался. Шум быстро приближался.

— Вы бы поторопились, падре. На улице творится что-то неладное.

— Я закончил.

Охранник торопливо открыл камеру. Священник вышел в коридор, и дверь за ним закрылась. У фасада тюрьмы раздался оглушительный грохот. Повернувшись, охранник посмотрел в узкое решетчатое окно.

— Что за шум, черт побери?

— Похоже, что кто-то просит у вас аудиенции, — сказал священник. — Не возражаете, если я возьму у вас это?

— Что «это»?

— Ваше оружие, *por favor*.

Священник подошел вплотную к охраннику, молча снял верхушку висевшего у него на шее креста, обнажая лезвие длинного, зловеще поблескивавшего стилета. Молниеносным движением он ударил охранника кинжалом в грудь.

— Видишь ли, сын мой, — сказал он, забирая автомат из рук умирающего охранника, — Господь и я решили, что тебе больше не понадобится это оружие. *In Nomine Patris*, — произнес Хайме Миро, набожно перекрестившись.

Охранник рухнул на цементный пол. Взяв у него ключи, Хайме Миро поспешно открыл двери обеих камер. Доносившийся с улицы шум становился все громче.

— Скорее, — скомандовал Хайме.

Рикардо Мельядо взял автомат.

— Из тебя получился чертовски хороший священник. Я чуть было на самом деле не поверил.

Он попытался улыбнуться распухшими губами.

— Здорово они над вами поработали. Ничего. Они заплатят за это.

Поддерживая обоих, Хайме помогал им идти по коридору.

— А что с Саморой?

— Охранники забили его до смерти. Мы слышали, как он кричал. Его отнесли в лазарет и сказали, что он умер от сердечного приступа.

Они подошли к запертой железной двери.

— Ждите здесь, — сказал Хайме. Приблизившись к двери, он обратился к стоявшему за ней охраннику: — Я закончил.

Охранник открыл дверь.

— Поторопитесь, падре. На улице какие-то беспорядки...

Ему не суждено было закончить фразу. Нож Хайме вонзился охраннику в грудь, изо рта у него хлынула кровь.

Хайме махнул своим товарищам:

— Пошли.

Феликс Карпио поднял оружие охранника, и они стали спускаться по лестнице. На улице царил хаос. Вокруг носились полицейские, пытаясь понять, что происходит, и справиться с орущей толпой людей, отчаянно стремившихся спрятаться от разъяренных быков. Один из быков, бросившись к фасаду здания, врезался в каменные ворота. Другой терзал тело сбитого с ног охранника.

Во дворе наготове стоял красный грузовик. В этой сумятице почти никто не заметил трех беглецов, а тем, кто и видел, было не до них, поскольку нужно было думать о спасении собственной жизни. Не говоря ни слова, Хайме и его товарищи запрыгнули в кузов грузовика, и он помчался по заполненным людьми улицам, распугивая прохожих.

Местная жандармерия, гражданская гвардия, одетая в зеленую форму и черные лакированные шляпы, тщетно пыталась унять обезумевшую толпу. И вооруженная полиция, размещенная в столицах провинций, тоже была не в силах противостоять этому кошмару.

Отчаянно пытаясь скрыться от разъяренных быков, люди устремлялись во все стороны. Опасность заключалась не столько в быках, сколько в самих людях, которые в стремлении спастись давили друг друга. Старик и женщины, падая, оказывались под ногами бегущей толпы.

Хайме с ужасом смотрел на это жуткое зрелище.

— Мы не рассчитывали, что произойдет такое! — воскликнул он.

Он беспомощно взидал на жестокую бойню и ничего не мог сделать, чтобы остановить ее. Он закрыл глаза, чтобы не видеть этого.

Шум и смятение остались позади, грузовик выехал в окрестности Памплоны и свернул на юг.

— Куда мы едем, Хайме? — спросил Рикардо Мельядо.

— Неподалеку от Торре есть безопасное место. Мы пробудем там до темноты и затем двинемся дальше,

Феликс Карпио морщился от боли.

Хайме Миро сочувственно смотрел на него.

— Мы скоро приедем, мой друг, — тихо сказал он.

Он никак не мог забыть жуткие сцены на улицах Памплоны.

Через полчаса они добрались до маленькой деревушки Торре и, обогнув ее, подъехали к дому, одиноко стоявшему в горах, возвышавшихся за деревней. Хайме помог двум своим товарищам выбраться из кузова грузовика.

— За вами приедут в полночь, — сказал шофер.

— Пусть привезут врача, — ответил Хайме. — Грузовик этот где-нибудь брось.

Втроем они вошли в дом. Это был простой и уютный фермерский домик с камином в гостиной и потолком из бруса. На столе лежала записка. Хайме Миро прочел и улыбнулся ее гостеприимному содержанию: «*Mi casa es su casa*. Мой дом — твой дом». В баре стояли бутылки с вином. Хайме наполнил стаканы.

— Не знаю, как благодарить тебя, мой друг. За тебя! — сказал Рикардо Мельядо.

— За свободу! — ответил Хайме, поднимая стакан.

В клетке вдруг защебетала канарейка. Подойдя к ней, Хайме какое-то время наблюдал, как она отчаянно махала крылышками. Затем, открыв клетку, он осторожно взял птичку и поднес ее к открытому окну.

— Лети, птичка, — нежно сказал он. — Все живые создания должны быть свободными.